

МАРИЯ АРБАТОВА

ДЕГУСТАЦИЯ
ИНДИИ

Мария Арбатова
Дегустация Индии

«ФТМ»

2006

Арбатова М. И.

Дегустация Индии / М. И. Арбатова — «ФТМ», 2006

ISBN 5-17-040576-6

«Все турагентства и кинофильмы врут. Индию пересказать нельзя. В этом смысле я тоже вру, потому что могу изложить только свою „психическую правду“ об Индии. У вас она все равно будет другая. Индия не потрясла меня, она меня раздавила...»М. Арбатова

ISBN 5-17-040576-6

© Арбатова М. И., 2006

© ФТМ, 2006

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мария Арбатова

Дегустация Индии

«ИНДИЯ» – штрафная камера в тюрьме.

Толковый словарь уголовных жаргонов под общей редакцией Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова

* * *

Все турагентства и кинофильмы врут, Индию пересказать нельзя. В этом смысле я тоже вру, потому что могу изложить только свою «психическую правду» об Индии. У вас она все равно будет другая.

Индия не потрясла меня, она меня раздавила...

– ...Когда поедешь в Индию, ты увидишь павлинов в Джайпуре, – говорит мой бой-френд Шумит; он индеец, точнее, бенгалец – «психическая правда» у него третья.

Индийцев часто называют смешными русскому уху именами: Шумит, Упал, Сушил, Балван, Модем, Бридж, Кумар, Мундус, Соси, Куда, Суки, Хари... В свое время мы заразили их своей идеологической тематикой. По следам этого в городе Тривандрум недавно встретились индийцы, носящие русские культовые имена: Сталин, Ленин, Хрущев, Горбачев, – и даже девочка Правда. А в финале встречи свои стихи читал парень, которого родители щедро назвали Пушкин...

Шумиту тоже многое кажется у нас смешным. «Баба» на его языке означает отец, «маши» – сестра матери, «Калуга» – черная деревня, «кумир» – крокодил... а наше презрительное «ну-ну...» – это бенгальское непристойное название мужского члена. И Шумит вздрагивает, когда я так говорю.

Откуда я знаю, почему в детстве мечтала быть похожей на индианку? Потому, что дома на стене висела повешенная моим папой, бойцом идеологического фронта, фотография Индиры Ганди? Или потому, что по телевизору шли индийские фильмы, в которых, несмотря на назойливое гнусавое пение, все хорошо кончалось?

– Если ты выйдешь за меня замуж, по нашим законам ты будешь считаться индианкой, и у тебя появится теоретическая возможность повторить судьбу Сони Ганди, – говорит Шумит.

– Мои политические амбиции не так велики, чтобы возглавлять правящую партию. Тем более в Индии! К тому же я знаю, что, став индианкой, можно не только сделать карьеру, но и попасть на костер с телом умершего мужа, – напоминаю я, хотя Шумит младше меня на десять лет.

– Обряд «сати» отменили еще британцы! – обижается Шумит.

– Так сильно отменили, что до сих пор то в одном месте сожгут, то в другом! – отвечаю я.

– Сати бывает и сейчас, но только по собственному желанию. И в самых глухих деревнях... – Шумит всегда дуется, когда наши взгляды на цивилизованность его родины не совпадают, но, как всякий индеец, не умеет дуться долго и тут же начинает улыбаться. – Соня Ганди, между прочим, жива, несмотря на гибель мужа!

Возразить нечего, итальянку Соню Ганди не уговаривали взойти на костер, а уговорили возглавить партию власти, научиться носить сари и произносить на хинди речи, написанные английскими буквами. И она легко отказалась от жизни в липипутской Европе, понимая, насколько скоро Индия обгонит Китай по численности населения, и что к концу этого века мир определенно станет проиндийским.

Собственно говоря, со вдовьим костром тоже не все так просто. Елена Блаватская описала скандал, который спровоцировал санскритист профессор Уилсон, раскрывший подтасовку в тексте Вед. Подробно изучив Веды, он не нашел там никаких намеков на сжигание вдов. А в Ригведе обнаружил слова, предписывающие брахману класть вдову до зажжения костра рядом с трупом мужа, а после совершения прощальных обрядов отвести ее подальше и громко пропеть над ней стихи из Грихья-Сутры:

Приблизьтесь, женщины замужние, не вдовы;
С мужьями добрыми несите гхи и масло.
Пусть первыми все матери восходят на алтарь
В одеждах праздничных и ценных украшениях...

В оригинале стих читается как: «А роханту ганайо ионим агаре...» – дословно: «Первыми – матери ступайте в утробу алтаря». Изменив одну букву последнего слова «агре» – означающего алтарь, брахманы получили слово «агне» – означающее слово «огонь»; это позволило им сжечь миллионы женщин! Скандал вокруг разоблачения Уилсона в середине XIX века подготовил почву для запрещения ритуала сати на территории практически всей Индии...

В детстве жизнь индийских женщин казалась мне сказочной, и я так хотела быть индианкой, что в пионерском лагере мне дважды поручали эту почетную должность на интернационально-песенных фестивалях. Перед отрядом, поющим о дружбе народов, обычно выставляли плакатную тройку: белого, черного и желтого. Черного делали с помощью коктейля из гуталина и детского крема – мир еще не знал трансгенных продуктов, и аллергий не было даже на такую адскую смесь. Если в отряде был татарин или казах, посредством синей пижамы его обращали в китайца. За неимением казаха и татарина меня обертывали в простыню, ставили на лоб точку, а на руки наматывали все украшения, собранные с пионервожатых. Я чрезвычайно гордо стояла на сцене в простыне и чалме из полотенца. И поскольку в Индии никто не был, факт принадлежности чалмы к мужской одежде так и не был обнаружен зрителями.

– А как ты себе в детстве представлял русских? – спрашиваю я Шумита.

– Как трех богатырей с картины Васнецова: грубыми, сильными и лохматыми. Грубыми, в смысле преобладания внутренней природы над законом. Мне и сейчас кажется, что российская беда с исполнением законов происходит именно от того, что человеческая природа для вас важнее порядка... – говорит Шумит. – Мой папа заочно любил русских и лучшим вратарем мира считал Льва Яшина. После Достоевского Россия казалась мне страной невероятно тяжелой, но меня сюда тянуло. А для моей родни я до сих пор герой и борец с «сибирскими морозами»...

«Индийская» замотанность в простыню казалась мне в детстве верхом женственности, поскольку демонстрировала голые плечи. Я не могла предвидеть, что через тридцать с лишним лет переводчица моей прозы красавица Ранжана пожалуется:

– Представляешь, если моя чоли (кофточка под сари) с коротким рукавом, то свекровь намекает мне, что это неприлично, ведь плечи и верхняя часть рук должны быть закрыты...

Ранжане под пятьдесят, она профессор и настолько эмансипирована, что даже водит машину. Правда, в сари. Представляю, насколько это неудобно...

– Твоя сестра ходит в сари и ежедневно наматывает на себя семь метров ткани? – спрашиваю я Шумита; его сестра Джаита тоже работает в университете, но в Калькутте.

– Индийская женщина не чувствует этих семи метров, да и время заматывания в сари всегда меньше, чем последующее любование собой перед зеркалом. Сестра в основном носит сальвар камеез. Это мусульманская одежда: просторная длинная расшитая рубаха и брюки. Сейчас многие индуистки ходят в этом, так удобнее...

Удобнее – это не то слово. Я содрогалась, когда видела женщин в сари: молотящих, косящих, собирающих, моющих, стирающих, готовящих, нянчащих и т.д. Попробуйте намотать на себя длинную тряпку, свешивающуюся с плеча, и приступить в ней к домашней работе. Если у вас получится, то попробуйте в таком виде выкопать овощи с грядки, набить ими корзину килограммов на пятьдесят, водрузить на башку и при этом женственно двигаться в сторону дома.

– У нас плечо по-другому устроено, – успокаивает меня Ранжана, – у нас эта штука не сползает с плеча. Много поколений женщин натренировали мышцы плеча.

Салвар эстетичен, в нем невозможно отличить индуистку от мусульманки. Индуисты мирно живут вместе с мусульманами, но помнят, что после ухода британцев территория была разделена на большую индусскую Индию и маленький мусульманский Пакистан. И тогда около миллиона человек стали одновременно переселяться на территорию своей веры. Мусульмане – с запада и востока в Пакистан и нынешний Бангладеш, индусы и сикхи – той же дорогой, только в Индию. Это сопровождалось межрелигиозными столкновениями, в которых погибло около полумиллиона человек. История не знает такого масштабного уничтожения мирных жителей.

– Раньше в моем районе в Калькутте была пятиметровая стена между индуистами и мусульманами. Ее возвели после межрелигиозных столкновений в шестидесятых, чтобы обезопасить небольшой индуистский район от многомиллионного мусульманского населения за стеной, – говорит Шумит. – Она была натянута между краями узкого переулочка и легко пала бы при натиске. Она была гранью между двумя мирами и создавала психологический комфорт. Стирали эту границу только пятиразовые намазы, передаваемые из мечети по громкоговорящему с пяти утра...

– Так рано? Ужас!

– Потом здесь, в общежитии Университета Патриса Лумумбы, запрещали выключать радио на ночь, чтобы мы просыпались от курантов и гимна Советского Союза. Это было гораздо хуже, чем намаз... – говорит Шумит. – В моей школе один вход был на нашу часть, другой – на мусульманскую. Когда затеяли строительство большого учебного корпуса, вход с нашей стороны закрыли. Пришлось проломить отверстие в стене и ходить в школу через мусульманский мир.

– И как там было?

– Там было грязно и многолюдно. Мама волновалась, и вообще мирные индуисты боялись мусульманских хулиганов...

– А дальше?

– Потом пришло коммунистическое правительство, и стену вообще снесли. Мы стали жить вместе, и индуисты оказались в проходном дворе и в центре разборок мусульманских группировок. Жизнь квартала вмиг стала криминогенной, нам пришлось переехать...

– Но ведь коммунистическими партиями командовали твои дяди. Почему они так сделали?

– Индуистским анклавом решили пожертвовать ради светскости государства. Дяди ни при чем – есть вопросы принципа. В то время лидер политбюро правящей компартии снимал – именно снимал – жилье в двух шагах от этой стены и первый пострадал от ее уничтожения. Но он пошел на это ради принципа. Наши коммунисты очень отличаются от ваших...

У Шумита куча дядь и тетя. Большинство из них – гордость Индии. В разговоре он пользуется их именами так, словно я родилась в Калькутте и прожила в ней все свои 49 лет. В Москве он ощущает себя представителем клана и общается с миром от лица этого клана.

– Для нас клан – это своего рода полиция нравов. Перед этими людьми ты подсознательно держишь ответ за все свои поступки, – объясняет Шумит. – В Индии для большинства людей, а тем более для представителей интеллигенции, культура блатного мира не может соседствовать

с обычным миром. Я был потрясен этим в России... И это при том, что мои тетя и дядя сидели в тюрьме за борьбу против колонизаторов.

Пока я не могу ни выговорить, ни запомнить ни одного индийского имени из его семейного пантеона, кроме покойной тети, национальной героини Калпаны Датта. И то потому, что Шумит уверяет, что внешне я на нее похожа. На юношеской фотке, обнаруженной в Интернете, тетя оказалась красавицей. Как я могла после этого не выучить ее имя?

– У нас две компартии. Коммунистическая партия Индии – ее основал дядя Пуран Чанд Джоши, муж Калпаны Датта. И есть вторая Коммунистическая партия Индии – Марксистская. В ней шестьдесят лет работает другой мой дядя, Субодх Рой, которому сейчас девяносто. Эта партия очень сильна на региональном уровне, – терпеливо объясняет Шумит. – Субодх Рой – это как раз тот дядя, который в 13 лет сбежал из дому бороться с англичанами, украв пистолет отца. Ты похожа на него по характеру!

У моего отца, преподавателя марксистской философии в военных академиях, оказывалось, тоже было табельное оружие... но я тогда сидела в колыбели и никак не могла сбежать из дому, выкрыв его. Про пистолет я узнала из маминого рассказа о том, что после XX съезда отец, как идеологический работник и автор идеологических книг, получил полный текст доклада Хрущева и, прочитав его, хотел застрелиться... а мама прятала пистолет.

– Дядя Пуран Чанд Джоши жил с тетей Калпаной в Дели. Созданная им компартия разделилась в шестидесятые годы из-за Мао. В 47-м году тетя Калпана баллотировалась в парламент... – Шумит морщит лоб. – Тетя проиграла выборы, обратилась за утешением к русскому языку и приехала в Москву учиться. И это всех порадовало, потому что в нашей семье и так слишком много политиков...

Собираясь на мне жениться, Шумит, видимо, подсознательно хочет, чтобы было еще больше. И генетически он готов к этому. Имея опыт нескольких браков и нескольких выборов, не могу не признать, что не представляю себе мужчину, который бы так бережно, достойно и терпеливо вел себя во время выборов любимой женщины. И всем женщинам, идущим в политику, советую связывать жизнь с терпеливыми индуистами, имевшими в роду политиков.

– Жизнь индуиста – это практическое исследование хитросплетений линий судьбы на ладони... – говорит Шумит. – Многое предрешиено, и остается только получать от этого удовольствие. И я получил огромное удовольствие, попав в Советский Союз аккуратно к началу перестройки и прожив в России двадцать лет...

В возрасте лет семнадцати я начала приближаться к Индии, посещать странные антисоветские местечки, где за умеренную плату подпольно учили всему индийскому. Дело было в застой, все «иное» осуществлялось как протест против социализма. Выбор «иного» был широкий, но я упорно двигалась в сторону Индии.

Жванецкий не зря говорил, что «вся история России – это борьба невежества с несправедливостью». Ясное дело, что преподаваемые нам индийские танцы состояли из начетнической лекции и танца живота. Преподаватели честно предлагали все, что вычитали в данный момент из книжек, намекая на свой глубоко индийский опыт, хотя дальше Душанбе никого из них не пускали.

Йогу тоже преподавали все. На всю полуторамиллиардную Индию сегодня нет столько преподавателей йоги, сколько их было в Москве семидесятых. Но йога меня отталкивала потому, что врачи из-за больной ноги достали меня к этому времени лечебной физкультурой...

– Шумит, ты занимался йогой?

– Несколько дней в разные годы. На большее не хватило терпения.

– Это было немодно?

– У нас есть клубы, но как массовое явление йога в Индии тогда не существовала. Один мой дядя был фанатом йоги. Вставал в четыре часа утра и занимался до восьми-девяти, какие-то трубки проводил через носоглотики... но при этом курил как паровоз. Так что особого

эффекта у него я не наблюдал, – рассказывает Шумит. – И еще тетя Калпана каждый вечер перед сном занималась медитацией, приняв позу трупа.

– Странно. Оба моих русских мужа занимались йогой.

– Какая разница, чем заниматься? Главное – степень доверия этому занятию. Чужому всегда веришь больше, чем своему и понятному...

Пританцовывая в примерно индийском прикиде примерно индийские танцы, я только через много лет прочитала, что настоящие индийские танцовщицы – девадасси – круче, чем йоги, и могли жаром тела растопить вокруг себя снега Гималаев. Что во время танца в тело девадасси входил четырехрукий Шива-Натараджа, и она превращалась в мистическую воронку, увлекающую зрителей к единению с высшими силами. Что кульминационный момент танца – мокша – переживался танцовщицей и зрителями как катарсис. Люди выздоравливали от болезней и просветлялись благодаря храмовым танцам.

– Фигня! – говорит Шумит. – Может быть, люди и исцеляются, но девадасси – это жрицы. Девушки, которых отдавали в монастыри, чтобы они занимались свободным сексом, танцами, музыкой и пением в храмах. После совершеннолетия они, как правило, попадали в секс-индустрию. Короче, как ваши монашки, только наоборот...

В Индии все наоборот. Например, отношение к танцам. В Ведах боги и богини уподоблены танцорам. Высший Абсолют появляется в форме Шивы-Натараджи, космический танец которого олицетворяет собой созидание, сохранение и разрушение мира. Остановится танец Шивы-Натараджи – рассыплется мир. Индийцы потому и ходят пританцовывая... А русские ходят как платяные шкафы, и мысль о танцующем Боге-отце представляется им глубоким богохульством.

Не только психолог, но и любой внимательный человек, наблюдая за танцующими, легко скажет, насколько они принимают и реализуют собственное тело и собственную сексуальность. У индийцев, несмотря на привнесенные колонизаторами викторианские запреты, проблем сексуальной нереализованности не бывает, боги приучили их чтить чувственность и телесность.

Повествование в индийском танце ведется через жесты, называемые «хастами» и «мудрами». В трактатах о танце приводится 28 положений одной руки и 24 положения рук вместе. Кстати, одно из основных положений ног – «ардхамандали», полуприседание с разведенными коленями – означает позу спокойствия, разгружающую нервную систему. То есть упакованные в индийский танец возможности совершенствования тела и духа не уступают йоге, но при этом гораздо веселее, эстетичнее и не требуют изнурительных тренировок.

Не владея палитрой индийской танцевальной техники, педагоги говорили нам:

– Ты просто рассказывай с помощью движений историю и проживай ее. Например, в маленькой индийской деревушке жила красивая девушка. Однажды она пошла за водой. Пели птицы, и благоухали магнолии. И вдруг из-за кустов вышел огромный тигр...

Получалось очень живенько!

Кроме «индийских» танцев, в моих семнадцатилетних тусовках учили тантрическому сексу. Это оказалось проще: было достаточно одной ротапринтной книжки, полутемной большой комнаты и раскованного преподавателя. Конечно, никто из нас не овладел в совершенстве техникой удержания мышцами влагалища нефритового яйца, через которое был продернут шнур с десятикилограммовым грузом, и техникой втягивания членом через серебряную соломинку внутрь молока и меда, но... каждый ушел оттуда с пониманием того, что благополучный секс – главный диспетчер здоровья и энергетики человека и что отношение к собственным гениталиям символизирует отношение к самому себе.

Головой мы понимали, что тантра-йога – это изучение природы взаимодействия противоположностей и достижения гармонии посредством сексуальной жизни, в которой достигается ощущение единства со всей Вселенной с помощью контроля чувств, эмоций, действия и мантр. Но в астрал посредством полового акта вылетали довольно редко...

Я живу возле ресторана «Хаджурао» и иногда хожу туда пить чай-масала и смотреть индийские танцы. У меня даже есть подозрение, что близость ресторана «Хаджурао» на уровне бессознательного склонила меня к покупке этой квартиры. Чай-масала готовится в котле: кипятится молоко со специями и сахаром, потом туда добавляется чайный лист. Визитами в ресторан «Хаджурао» я удовлетворяю свою экзистенциальную тоску по Индии.

– Когда я стану знаменитым, я куплю дом в Гималаях и увезу тебя туда, – говорит Шумит.

– Да я там умру от скуки, – отвечаю я.

– Ошибаешься... Ты просто сойдешь с ума от такой красоты! Я после посещения Гималаев серьезно хотел покончить с собой...

– Ты меня за этим туда зовешь? – улыбаюсь я.

– Я тогда был очень молод и очень остро чувствовал мир, а в городе не хватало ни воздуха, ни масштаба гор, ни стремительных рек, ни тишины... Гималаи похожи на сонату Бетховена № 5. Почему ты не хочешь жить в Гималаях? Разве ты не буддистка?

– Буддистка. Но мой учитель говорил, что, даже встав на самую высокую гору Тибета, человек не приблизится к небесному диспетчеру больше, чем на своем жизненном месте. Ты индуист?

– Конечно, – кивает Шумит.

– А что это для тебя значит? – спрашиваю я.

– Это непросто объяснить... В Индии 27 штатов, около двухсот языков, диалектов и наречий, 22 из которых признаны официальными. Я родился «с пятью метриками»: как представитель клана и семьи, как представитель касты, как представитель религии, как бенгалец со своей историей и гордостью, а потом уже предстал перед миром как индиец, – отвечает Шумит. – Это целая серия концентрических окружностей со своим радиусом действия. Для Запада индус – строго зафиксированный человек на карте кармы с изначально заданными свойствами, а современный индус с определенным коэффициентом трения преодолевает все эти окружности, чтобы стать частью большого мира...

– Но индуистом ты при этом остался?

– Советским людям это не понять, это не «Мой адрес – Советский Союз»... глобализация не дает жить по постоянному адресу. Хочешь иметь дело с настоящей кармой, не сильно привязывайся к исходным координатам – карма этого не любит. Я еще в детстве понял, что нуждаюсь в том свободном эфире, ощущение которого давал звук мусульманской молитвы из-за стены...

– Но ведь ты индуист!

– Я индуист, но я не испытал дискомфорта при первом поедании говядины в Москве. Помню, как папа робко спросил: «Неужели ты ел корову?» А мама заступилась: «А ты можешь ему предложить адекватную замену в другой стране?» Мой индуизм состоит в том, что я считаю бога суперчеловеком, а человека – мини-богом... Хотя мини-бога, наверное, я стащил из буддизма...

– Еще как стащил! А во что ты веришь в рамках этой модели?

– В добро и в ненасилие. Самый терпеливый человек, на мой взгляд, самый сильный.

– Ну, насколько меня учили на философском факультете, основа индуизма – учение о перевоплощении душ в зависимости от улучшения собственной кармы... так?

– В моей семье не так часто говорили о перевоплощениях. Изредка говорили о Сварге – Рае или Патале – Аде. Возможно, продолжением данной темы было бы и перевоплощение, но до этого никогда не доходили, оно подразумевалось.

– А от дурных поступков тебя оберегает страх следующего воплощения или принадлежность к касте?

– Наверное, вместе... у индусов есть встроенная система морали: не воровать, не лгать... одним словом, законы Дхармы. Мне кажется, что неудобно ходить к священнику и взваливать

на него отпущение одних и тех же грехов, а быть гадостью в следующей жизни неприлично. Так что оба подхода ведут к морали, но второй обязывает быть более самостоятельным и ответственным...

Отец индийского менталитета великий царь Ашока, современник Будды и беспощадный воин, расширив страну от Афганистана до Непала и на юг полуострова, встретил ожесточенное сопротивление в царстве Калинга. Он победил – земля была усыпана сотнями тысяч растерзанных трупов мужчин, лошадей и слонов; рыдающих женщин и детей увели в плен; а река побагровела от крови. Ашока вышел ночью на берег насладиться зрелищем очередного поверженного царства, и тут из реки появился нищий со свертком, с которого капала кровь, и протянул сверток со словами: «Могущественный царь, раз ты так велик, что смог уничтожить столько жизней, значит, ты можешь вернуть хотя бы одну жизнь – вот этому младенцу?»

Считается, этим нищим был сам Будда. И после этого вопроса Ашока перестал воевать и назвал реку Дайа, что означает «сострадание». Он принял философию ахимсы – отказа от насилия, и повелел, что везде в его царстве, где были слышны звуки военных барабанов, теперь будут слышны звуки Дхармы.

Великий Ашока приказал высечь на столбах указы, сохранившиеся до сих пор. И первым указом он повелел: «Счастье в этом мире и в следующем трудно обрести без любви к Дхарме, без самоконтроля, без уважения, без страха перед совершением зла и без усердия. Но благодаря моим наставлениям почитание Дхармы и любовь к Дхарме возрастают день ото дня и возрастают постоянно. Все мои чиновники высших, низших и средних рангов должны блюсти Дхарму, а также побуждать других делать то же самое...»

Через много лет, чтобы изгнать британцев из Индии, путем ненасилия пошел Махатма Ганди. И освобожденная страна поместила в центр своего флага Дхармачакру – Колесо Дхармы Ашоки.

– А твои родители совершали индуистские ритуалы? – спрашиваю я Шумита.

– Конечно. Когда они женились, то читали ритуальный текст на санскрите. И когда мама предъявляла папе претензии, он отшучивался, что женат только наполовину, поскольку половину слов священного текста так и не сумел выговорить на бракосочетании. – Отец Шумита был помощником губернатора штата Северная Бенгалия, штата с населением 100 миллионов человек.

– А ты индуистские обряды совершал?

– По субботам папа ходил в храм Богини Кали в Калигхате. Когда он умер, я не стал бриться наголо, как это полагается, потому что у моего соседа, директора Института информационных технологий Гарвардского университета, после похорон отца были проблемы с идентификацией на американской таможне, – говорит Шумит. – После смерти близкого индуисты 11 дней не едят мясо, не употребляют лук или чеснок в пищу и не носят ничего кожаного. После этого все собираются, и сыновья, как продолжатели рода, повторяют за священниками ритуальные тексты. Я, как единственный сын, повторял, думаю, весьма плохо, санскритский текст за одним священником, пока другой читал Гиту... Казалось, что я под гипнозом.

– Почему?

– Это трудно объяснить... Мантры в состоянии полной сосредоточенности и уединения с душой отца действовали как наркотик. В этот момент я осознавал себя индуистом, а отца и сейчас чувствую внутри себя...

Вы, конечно, знаете, или, конечно, не знаете, что все началось с того, что Майе, царевне племени шакьев, приснился сон, будто белый слон вошел в ее лоно справа, доставив невероятное наслаждение. А через десять лунных месяцев в результате этого наслаждения из ее правого бедра на свет появился мальчик. Он немедленно ступил на землю, сделал семь шагов и объявил: «Я величайший и наилучший в мире. Это мое последнее рождение!»

Через неделю царица Майя умерла, а мальчика осмотрел святой отшельник Асита и обнаружил на его теле тридцать два великих признака и восемьдесят малых признаков. Из этих признаков следовало, что, оставшись во дворце, царевич будет вселенским правителем и объединит весь мир; а покинув дворец, выберет путь отшельничества, станет Буддой и научится спасать живые существа от страданий.

Боясь ухода сына, царь шакьев создавал ему сказочные условия: выстроил три дворца – для холодного, для жаркого и для дождливого сезона; велел развести в одном пруду белые лотосы, в другом – красные, в третьем – голубые. Царь пригласил для принца множество певиц и танцовщиц и приказал все время держать над ним белый зонт, защищающий от холода, жары, пыли, грязи и росы. Однако это не привязало Будду Шакьямуни к дворцовой жизни... что было дальше, вы, конечно, знаете, или, конечно, не знаете...

– А ты когда-нибудь думал о переселении душ? – спрашиваю я Шумита.

– Нет, я, хотя и индуист по рождению, все-таки физик по образованию.

– И что оказалось сильнее? Смотри, я родилась метиской. Это не означает, что я наполовину православная, наполовину иудейка! Я буддистка, и у меня есть способы прямой идентификации себя как буддистки. А у тебя?

– Понимаю твоё стремление найти четкий ответ на вопрос о моем индуизме, но у нас не бывает таких однозначных ответов и определений «в лоб». Точное определение индуизма – это всегда заблуждение... таков наш мир.

– Хорошо, пойдем другим путем. Для индуистов священны корова, змея, обезьяна, река Ганг, цветок лотоса...

– Змей я боюсь, Ганг – грязен... Лотос не так часто увидишь в городе... Корова – это, конечно, высокоорганизованное животное, на индийских улицах это одинокий философ с тяжелой думой...

– А русская котлета сделана из одинокого философа или из обычной говядины?

– Не могу ответить на этот вопрос. Джавахарлал Неру писал в книге «Открытие Индии», что индуизм расплывчат, аморфен, многосторонен; каждый понимает его по-своему. Трудно дать ему определение или хотя бы определенно сказать, можно ли назвать его религией в обычном смысле этого слова. От себя могу добавить, что в индуизме нет четких критериев.

– Бардак, короче!

– Так думает человек из западного мира, и священный беспорядок в Индии кажется ему невыносимым и обреченным. А история говорит об обратном. Сегодня Европа дрожит от страха в связи с нашествием ислама, собравшегося положить конец европейской цивилизации; а меж тем Индия, находящаяся века под властью чужестранцев и иноверцев, сохранила свои традиции и обычаи почти без изменений... Ты ищешь европейской определенности во всем, с этим алгоритмом у тебя поедет крыша в первые же дни в Индии.

– Почему?

– Потому что каждый индиец живет в состоянии самопогружения, чуть выше уровня бытия, чтобы по закону Архимеда ему легче было перенести тяжести жизни... Махатма Ганди говорил: «Если бы меня попросили определить индусское вероисповедание, я сказал бы просто: поиски истины ненасильственными средствами...»

Будучи буддисткой, я отчетливо сознаю киплинговское «Запад есть Запад, Восток есть Восток». У меня и буддизм европейский. Я не родилась в нем среди быстрых рек и медленных гор, я пришла к нему сначала умом, а потом уже сердцем из-за неприятия насилия. Православие для меня слишком тоталитарно.

С конца восемнадцатого века европейцы начали переводить индийские священные тексты и не понимать в них ни слова. Увидев, что это не похоже на европейскую философию, они усомнились в том, что это философия. Понятие кармы грубо наделось на понятие рока или фатума, понятие дхармы не прочиталось в принципе, а нирвана была осознана как культ

пустоты. В рамках собственного прагматизма европейцы тогда не слышали индуизма; прошли века, пока они не поняли, что спасение человечества придет с Востока.

Я рада, что родилась в 1957 году в СССР и имела возможность примерять к себе модель мира самостоятельно. Ни папа – преподаватель марксистской философии, ни мама – родственница известного раввина, именем которого названа ешива в Бней-Браке, не могли озвучить ничего определенного, кроме того, что надо жить правильно, и все будет хорошо. К шестнадцати годам стало ясно, что духовные полки жизни придется заполнять самостоятельно, а не ухватившись за чей-то подол.

Как в сказке, где звери выбирали хвосты, а заяц прибежал последним, и ему достался самый маленький, я не спешила на совдеповскую религиозную раздачу. Лет в 17 в моем окружении все занялись религиозным эксгибиционизмом. Некоторым, чтобы остановиться, не хватило и последующих тридцати лет.

Амосов говорил, что стоимость человека состоит из того, что он сделал, минус его тщеславие. Для меня религиозность человека тоже состоит в том, что доброго он сделал по жизни, минус его пафосная болтовня по поводу собственной религиозности. И я не знаю более мощной атеистической пропаганды, чем отвратительность крикливого верующего.

Я допускаю, что пошла учиться на философский факультет, чтобы узнать и подтвердить зачетом по истории религий, что монополии на истину не существует. В молодости я даже написала пьесу «Сны на берегу Днепра», где героиня преподает историю религий и пытается понять мир, а заодно и мужа-хирурга, увлекшегося продащицей, которому мир вполне понятен...

Героиня говорит: «Раньше я только пыталась понять, зачем другие верят. А потом как бы узнала, услышала всем телом, что есть кто-то большой, бережный, из которого я сделана. Который все знает и не даст мне пропасть, если я буду честна перед собой. И я ему нужна так же сильно, как и он мне, потому что без меня он тоже ни за чем...»

То есть строила гармоничный мир, в котором человек никто без небесного диспетчера, но и небесный диспетчер никто без человека. Потому как кому он будет «кто», если не человеку?

В молодости я заходила в православную церковь... Там было странно и мрачно. Я заходила в синагогу, там было тепло, но тесно. Я заходила в католическую церковь, там было логично, но холодно. В дацан я попала уже «опытной буддисткой». Там было просто и спокойно...

Это совершенно не значит, что дацан нужен мне для понимания мира. Есть чья-то поговорка: «До бога далеко, до церкви близко»... у нормального человека до бога близко.

Моя приятельница, русская бизнес-вумен в Латвии, проезжая мимо католической церкви, обронила:

– Я сюда хожу по воскресеньям.

– А ты разве католичка? – удивилась я.

– Нет, но, понимаешь, я первый раз пришла в православную церковь... походила, постояла, посмотрела, свечки поставила, помолилась... стала выходить, тут ко мне бабка подлетает из местной тусовки и злобно говорит: «Вот я стою тут полчаса за тобой наблюдаю, ты все неправильно делаешь! А теперь запоминай, как надо...» Я повернулась и вышла, и за километр теперь эту церковь обхожу, мне еще не хватало, чтоб меня учили, как мне правильно общаться с богом... он меня и из католического храма услышит.

– Как это ты буддистка? – приставали ко мне в юности.

– А вот так...

– Но никто же не буддисты!

– А мне-то что?

– Ну, нельзя же так себя противопоставлять...

Все же советским строем ломанулись в церковь, чтоб не страшно было с богом базарить от лица коллектива. Это буддист всегда одинок. Сам что посеет в карму, то и пожнет.

Когда после Литературного института я вступила в Профессиональный комитет московских драматургов, у меня было два культурных шока. Первый – после того, как мы молодой драматургической командой лоббировали какое-то решение и долго проговаривали его со своим главным союзником, председателем профкома драматургов, Алексеем Симуковым. Мы обсасывали планируемое заседание правления профкома до мелких косточек и крохотных хрящиков, практически репетировали его заранее, на год вперед настроили планов на фундаменте грядущей победы.

И вот, в самый момент заседания, увидели, как все пошло не по нашему сценарию, и пара человек подняли руки против... это еще не определяло итогов голосования, но наш союзник, душка Симуков, за десять минут перед этим планировавший с нами победу за чашкой чая, внезапно проголосовал против только что предложенного им самим двумя, данными ему уставом, голосами!

После заседания я подошла к нему с исследовательским интересом орнитолога, обнаружившего новую породу птиц:

– Алексей Дмитриевич, но ведь вы сами огласили это предложение. Вы сами хотели его провести. Почему вы проголосовали против, да еще двумя голосами?

Он удивился моему недоумению, развел руками и пояснил:

– Я почувствовал, что их больше...

Я пыталась понять, сделав скидку на то, что Алексей Дмитриевич родился в 1904 году, прошел через все фокусы советской власти, в самые жесткие годы руководил репертуарным отделом Министерства культуры, и одна из его пьес носила характерное название «Это сильнее меня». Пыталась понять, но не смогла...

Практически через год в предперестроечной стране компания молодых драматургов попыталась создать свое независимое объединение, с правом организации театральной студии. Основную воду мутила я, но человек десять молодых активистов были так же сильно заинтересованы в победе: цензура и коррупция не давали нам никаких щелок для проникновения в театр. Мы составили учредительные документы, подготовили конференцию, разослали приглашения...

Ясное дело, что люди в штатском не дремали. И хотя создание микростудии с ее микрорепостановками не могло угрожать отечественной идеологии, на конференцию явилось стадо специально инструктированных околкиношных и околотеатральных молодых людей (часть из которых после переворота маркировала себя в качестве мучеников совести) и аккуратно задавило нас голосами, придав объединению комсомольский статус.

Я еще была слаба в политических играх и ощущала мизансцену как удар в солнечное сплетение, но этот удар стерся в ту секунду, когда вся моя команда проголосовала за их вариант...

– Ребята! – кудяхтала я. – Но ведь мы же... ведь вы же... ведь нас же...

– Что ты вопишь? – удивились братья по оружию. – Их ведь было большинство... и ты со своим: двести человек «за», одна Арбатова «против» – выглядела как идиотка.

– Ребята, но ведь у вас же была позиция! Вас ведь за нее не накажут, не посадят, не расстреляют! Почему вы ее сдали?????? – не унималась я.

– Не накажут, не посадят, не расстреляют, но их все равно большинство...

Никто из этих людей впоследствии не стал заметным драматургом... кто-то эмигрировал, кто-то ушел в бандитский бизнес, кто-то – в фальшивое православие, кто-то – в откровенную халтуру... А я, оставшись самой собой, по-прежнему «выгляжу как идиотка». Но в отличие от них точно знаю: чтобы научиться писать, нужно научиться не бояться и не стыдиться себя

и не угадывать, каким захочет увидеть тебя общество, а ежесекундно завоевывать данное при рождении право быть собой.

Позже, выучившись на психоаналитика, я поняла, что у них просто были давящие родители, и выход из образа хорошей девочки и хорошего мальчика вызывал такую высокую тревожность, что потушить ее потерей лица оказывалось сущим пустяком. Я всегда вспоминаю про это голосование, когда меня спрашивают, почему я буддистка, когда всем положено быть православными.

Шумит не похож на наших мужчин. Он ведет себя то как герой индийского эпоса, то как герой индийского кино... Единственное, что сближает его с русскими мужчинами, – это ситуация, когда его припираешь к стенке аргументами и он, вместо того, чтобы согласиться с очевидным, кричит:

– У тебя нет души! Ты состоишь из одного мозга!

Как всякого мужчину планеты, распускающего слухи о «женской логике», его пугает формальная логика. Но здесь приходится делать ему как индийцу послабление. На философском факультете меня когда-то обучали тому, насколько различны формулы созерцания мира в зависимости от типа культуры, и если сформулировать их словами, то получится, что европеец говорит: все делится на белое и черное. Китаец говорит: белое станет черным. Индиец говорит: белое и есть черное...

На этом основании классическая индийская медицина Аюрведа утверждает, что лекарственные препараты могут помочь не всегда, а только тогда, когда наша карма проста, а мысли по отношению к себе или окружающим корректны. Просто психоанализ в чистом виде...

– Шумит, у вас сильная медицина? – спрашиваю я.

– Достаточно. И традиционная для нас, и традиционная для вас! Все средства хороши, если они лечат. Правда, несколько лет назад у мамы на ноге появилась трофическая язва. Ее лечили лучшие врачи Калькутты, но ей становилось все хуже и хуже. И тогда я прислал ей пузырек облепихового масла, и все зажило...

– А ваш великий Саи Баба?

– Он помогает тем, кто свято верит в него. Он неоднозначная фигура: для кого – Бог, для кого – фокусник... но однозначно он великий бизнесмен.

– Я знаю несколько русских, которые ходят с его фотографиями в бумажнике и носят слепленные им из воздуха перстни. Кто-то из них даже с жаром рассказывал, что его мать родила от непорочного зачатия. И что в детстве, когда он учился в школе, по просьбе одноклассников он мог из своего пустого портфеля достать для них что угодно – ручки, тетрадки...

– Меня всегда настораживают две вещи: когда государство занимается духовной жизнью граждан и когда духовные силы занимаются бизнесом, с налаженными толстыми финансовыми потоками. На финансовом сленге это называется «бабло побеждает зло», – говорит Шумит. – Раньше Путтапарти, место, где живет Саи Баба, был маленькой деревушкой. А сейчас Саи Баба имеет свой аэродром, вокруг ашрама вырос богатый город, сюда прилетают со всего мира, и работа по просветлению поставлена на индустриальную основу.

– Неужели?

– Там вело- и моторикши дерутся из-за клиентов. Владельцы гостиниц пиарятся, что Джон Леннон останавливался именно у них! Ашрам от слова «ашрай» – убежище. «Шрам» – это труд. Короче, это место для духовного труда, как для вас монастырь... Но когда духовный поиск приносит такие деньги, я начинаю сомневаться, что ищут духовность...

– Кто обычно живет в ашрамах?

– Гуру и его ученики. Ашрамы бывают аскетическими, как у Махатмы Ганди, а бывают «пятизвездочными», как у Раджниша-Ошо. У него в Америке было 93 «роллс-ройса»...

– У Ошо 93 «роллс-ройса»? Я знаю людей, которые медитируют на его фото!

– Именно благодаря этим людям у него и было 93 «роллс-ройса», – смеется Шумит. – Ошо ежемесячно тратил 75 000 долларов на косметику для придания взгляду глянцево-божественного вида! Он мог покапризничать и дать срочное указание привезти ему из Парижа за ночь бриллиантовые часы за 5 миллионов долларов. Так развлекался наш религиозный олигарх... Согласись, очень трудно, накопив столько добра, расстаться с материальным миром.

– У нас тоже РПЦ со всех сторон омывают толстые финансовые потоки...

– Среди учеников Ошо были лауреаты Нобелевской премии, звезды кино, миллионеры... все они башляли за просветление... Увы, подобные духовные подделки пользуются большой популярностью на Западе, где торжествует идеология «все продается, все можно купить за деньги, если предлагаешь правильную цену». У вас привыкли к пилюлям, которые быстро снимают боль, вот и покупают красиво упакованный продукт быстрого приготовления, а собственную духовную пищу им некогда сварить.

– Что за скандал был с Ошо?

– Его сдала индийская девушка, бывшая любовница, когда они разругались. Она подробно рассказала полиции о тоталитарном порядке внутри секты, о незаконном хранении оружия и других инструментов устрашения инакомыслящих. Раджниша Ошо арестовали американские власти, посадили в тюрьму и изгнали из страны. Несмотря на великие целительские силы, которыми он торговал в своей империи, в тюрьме он долго и тяжело болел, и его лечили обычные врачи. Потом годы искал убежище, но 21 страна отказала ему в приеме. Скитался по миру до последних дней на своем самолете. Индус, возведенный в степень бога, страшная пиаровская сила. Сейчас в этом статусе, кроме Саи Бабы, процветает Махеш Йоги со своей трансцендентальной медитацией... у него университеты по всему миру. Все узнали о нем, когда к нему приехала группа «Битлз», а Ларри Кинг сделал с ним телепередачу! Так что осторожней с амбициозными индусами...

Индусы амбициозны, один мой приятель жаловался, что, когда встречается с ними на переговорах по бизнесу, они держат себя немного сверху.

– Понимаешь, они не хамят, как наши, не надменничают, как западники, а просто ведут себя так, будто ты маленькая девочка, которой надо все объяснить и потрепать по щечке, чтоб не расстроилась...

Мне как раз всегда казалось, что индийцы настолько древняя нация, что у них вообще нет понта... для них настолько понятен смысл жизни, что им незачем ходить на цыпочках. Их боги нарисованы детской рукой, и сами индийцы – дети... Не отказываясь от этой детской естественности и открытости, Индия начинает жестко возвращаться на то место в мире, которое отняли у нее несколько веков тому назад колонизаторы.

Пятилетки плановой социалистической экономики Неру и Ганди обозначили подъем экономики, но, надетые на кастовую систему, затормозились неповоротливой и коррумпированной бюрократией. Либеральные реформы начались, как у нас, в 1991 году, вывели страну из кризиса, но еще не успели сделать ее цивилизованной.

Нас на семьдесят лет вывел из большой игры социализм, их – на 200 лет колонизаторы. Обе страны возвращаются к истокам в условиях глобализации, как человек, идущий к родному дому внутри крутящейся центрифуги. Скорее всего дойдет, точнее, продвинется в понятном направлении, но из-за вибрации будет падать, продвигаться ползком, ломать руки и ноги, сползать и смещаться от намеченной прямой... Все страшно похоже на наш путь к самим себе и в то же время ни капельки не похоже...

Как и у нас, в Индии сегодня началась болезнь потребления, потому что, как и у нас, прежде считалось, что это удел принцев и брахманов, а социалистическая этика ориентировала людей на бытовую скромность.

– Мама носила один золотой браслет, и все. В интеллигентной среде золото носили, но «не громко». Считалось неприличным увешивать украшениями все части тела, – рассказывает

Шумит. – В то время большинство людей не имело машин, это считалось предметом роскоши. Даже тетя Калпана всегда пользовалась общественным транспортом. Лидер партии нашего штата снимал очень скромную квартиру. Люди в политике не использовали власть для обогащения.

– А что мог позволить себе ваш средний класс до 91-го года?

– Об отдыхе за границей вообще не шла речь, не то что сейчас. Зарубежная командировка считалась престижной, ведь до 1991-го страна была экономически закрытой, мы, как и вы, могли покупать только свои товары. Правда, всегда была прислуга. Либо постоянная, которая жила в семье, либо несколько временных для разных работ в разное время суток. Учеба за границей без заграничного спонсора была почти невозможна, ведь существовало жесткое валютное ограничение... То есть почти все, как у вас.

Индия родила индуизм и буддизм, но буддизм не столько прижился, сколько расплодился по миру. В седьмом веке нашей эры сюда на штыках принесли ислам, но империи Великих Моголов не удалось сделать его влиятельной религией на территории Индии. Индуисты очень мягкие, но с очень жестким стержнем внутри.

– У нас живет самое большое количество мусульман в мире, но при этом на одного мусульманина приходится восемь индуистов! – говорит Шумит. – У меня в школе было много друзей мусульман. Когда я слышал намаз из-за стены, отделявшей наш квартал от мусульманского, я просто перемещался во времена Великих Моголов... Это было космическое ощущение...

– А почему ты не принял ислам, если испытывал такое?

– Ни один индус добровольно не откажется от индуизма, потому что нет религии с такой возможностью вольной интерпретации и такой внутренней свободой. Индуизм всегда можно приспособить под свой жизненный стиль, и никто не предаст тебя анафеме. Однажды, с подачи мусульманского друга, я выучил несколько строк их молитвы: «Ла иллаха иллала, мухамедда расауллах, Аллахо Акбар». Это единственные слова молитвы, которые я когда-либо произносил перед богом.

– Так ты никогда не молился своим богам?

– Поклонение без слов вполне можно назвать молитвой. Если мне было что-то надо от богов, например, хорошо сдать экзамен, я просто кратко излагал суть своих ожиданий! Все верующие индусы перед принятием важного решения уединяются хоть на миг с высшими силами. Для этого не обязательно произносить молитвенные слова, нужно просто установить энергетический мост к богам. Наши боги доступны и отзывчивы. Они везде, и человек общается с ними без нагромождения ритуальных условностей.

– А с кем именно? У вас же их целая тусовка!

– Мама верила в Адья-Ма, одно из воплощений Кали. Для меня бог не имеет конкретной формы...

– Я бы выбрала Ганеша, ни у одного цивилизованного народа больше нет такого прикольного бога! – Кали долго хвасталась перед мужем крутизной своего сына, пока сына не лишили головы, так что пришлось приставлять голову первого встречного... а им оказался слон.

– Он бог благополучия, посмотри на его животик и довольное лицо... но он младший бог, хотя и покровитель мужской потенции...

Стоило где-то появиться с Шумитом, как знакомые шутили:

– Ну, ты как дочка Сталина!

Мне не нравилась аналогия. Подруга мамы Зина Сагайдачная, познакомившая моих родителей, дружила со Светланой Аллилуевой. И состояла на учете в комсомольской организации филфака МГУ, которой Светлана руководила. Зина изо всех сил отговаривала маму выходить замуж за папу, и, оказавшись она понастойчивее, вы бы не читали эти строки.

Однако мне все же пришлось отшелушить от мифов историю брака Светланы Аллилуевой с сыном богатого раджи, индийским либеральным коммунистическим деятелем Баджешом Сингхом. Кстати, индеец был старше Светланы на мое любимое число лет – на семнадцать.

Фамилия возлюбленного дочери Сталина говорит о том, что он был сикхом. Слово «синг» означает «лев». О том, что я восхищенно думаю о сикхизме и его последователях, расскажу позже. Но принадлежность к сикхизму красит для меня их отношения совершенно новой краской.

После нескольких неудачных браков, в которые папаша активно встревал посадкой неугодных женихов или их родственников, Светлана чувствовала себя никому не нужной. Для всего мира она не была человеком, женщиной и способной писательницей, а только неуправляемой дочерью покойного монстра. Генеалогическое древо и статус так покорежили психику, что она постоянно обращалась за помощью к психиатрам, была депрессивной, подумывала о суициде и бесконечно пыталась спрятаться от одиночества в нимфоманию.

Было бы странно, если бы это было не так, ведь когда она прислала отцу из пионерского лагеря фотографию, вождь народов посчитал юбку слишком короткой, перечеркнул фото красным карандашом и размашисто написал сверху: «Проститутка!»

Я много разговаривала с людьми, близко знавшими Светлану, и они рисовали чудовище, царицу оргий и избалованную «женщину-вамп». Однако, взяв в руки написанные ею книги – не бог весть какие с точки зрения литературы, – я встретила человека одинокого, тонкого, нежного, глубокого, ранимого и бессильно мечущегося в клетке своего происхождения.

Руководитель КГБ Владимир Семичастный говорил: «Никто не понимал, что она нашла в этом человеке: лысый, худой, нескладный, с жиденькой козлиной бородкой, к тому же сильно больной».

Косыгин спрашивал ее в лоб: «Зачем вам больной индеец? Неужели вы не могли найти молодого и здорового советского человека?»

Двоюродный брат Светланы писал: «Сингх – это единственный человек, который сумел подчинить ее себе. То ли это была любовь, то ли я не знаю что, но она очень трогательно относилась к этому смертельно больному человеку».

Когда они познакомились, у Баджеша Сингха была запущенная эмфизема легких с изнурительными приступами. Было понятно, что он обречен, и было понятно, что к смерти он относится спокойно, как всякий индеец.

В какой-то момент небесный диспетчер решил спасти Светлану Аллилуеву, и Индия протянула ей свое крыло. В отношениях с Индией не бывает случайностей. Когда Светлана легла в кремлевскую больницу, она взяла с собой томик Рабиндраната Тагора. Ясное дело, что в соседней палате оказался Баджеш Сингх: изможденный, лысый, худой, сутулый, очкастый, нескладный, обаятельный, образованный, воспитанный, тактичный, мудрый...

Они общались на английском, и Светлана долго боялась рассказать о своем родстве. А когда все-таки призналась, он удивился, но больше никогда не возвращался к этой теме; а про себя, наверное, подумал: «Какая ужасная карма!»

Они были счастливы и решили уехать в Сочи. Баджеш сделал Светлане предложение, она обратилась за помощью к Микояну. В регистрации брака с иностранцем отказали. Они поехали в Сочи без регистрации и все равно были счастливы, как писали в отчетах наблюдавшие за ними кегебешники. После Сочи Баджеш улетал в Индию, Светлана плакала.

Советское правительство делало все, чтобы Сингх не мог вернуться: то до него не доходило приглашение, то ему не давали визу. Светлана попросила Микояна поговорить о Баджеше с Хрущевым. Хрущев пообещал помочь, но тут его сместили. Одним словом, Сингха пустили в Москву только через год. Он уже был совсем слаб и отговаривал Светлану от брака,

не желая быть обузой. Но она упрямо подала документы в единственный в Москве загс, регистрирующий браки с иностранцами.

На следующий день ее вызвали к Косыгину, тот сообщил, что брак не будет зарегистрирован, поскольку они боятся, что индеец вывезет ее из страны на законных основаниях. Светлана утверждала, что не собирается жить в Индии, но хотела бы отправиться туда как туристка. Косыгин отказал и в этом.

Чувствуя, что тучи сгущаются, Сингх переправил рукопись первой книги Светланы «20 писем другу» в Индию, через своего друга посла Индии в России Кауля. Сингху становилось все хуже и хуже, он регулярно ложился в кремлевскую больницу. Светлана считала, что его специально неправильно лечат, но не могла воспрепятствовать этому.

Понимая, что времени в обрез, Сингх захотел уехать умирать домой, но уже был не в состоянии передвигаться один. Светлана написала письмо Брежневу, попросила отпустить с мужем в Индию. Ее вызвали к Суслову, тот категорически отказал в просьбе выехать. Через неделю Баджеш Сингх умер на ее руках.

Светлана попросила дать возможность ей развеять прах мужа над водами Ганга. Политбюро неожиданно разрешило выехать на два месяца в Индию. Она собирала вещи, ничего не соображая и до конца не веря, что выпустят. Даже не взяла фотографии детей и мамы. Торопливо попрощалась с детьми в аэропорту и отправилась в Индию с прахом Баджеша в чемодане и приставленной кегешешной теткой.

Индира Ганди, забыв о том, что сама дочь первого лица государства, приняла ее холодно – боялась эксцессов со стороны Светланы, которые могли осложнить отношения с СССР.

Светлана влюбилась в Индию, в родственников Баджеша Сингха в городе Каланканаре штата Уттар-Прадеш, почувствовала себя спокойной и защищенной на берегу Ганга и решила остаться здесь навсегда. Но не тут-то было! Индира Ганди ответила на это жестким отказом. Прессовать дочь Сталина в Калаканкар немедленно приехал секретарь посольства. Пытаясь вернуть беглянку всеми способами, он даже вручил ей письма от соскучившихся детей, написанные под диктовку людей в серых костюмах.

Светлана скучала по детям, но с ужасом думала о возвращении в СССР. Баджеш и Индия повернули ей мозги: она увидела тысячи бедных, но не затравленных людей, она окунулась в ауру покоя и доброжелательности, она даже подседала на индийскую философию, вегетарианскую пищу и гималайский чай.

Ее почти силой привезли в Дели и поселили в гостинице при посольстве под наблюдением кегешешников. Правда, дали в руки паспорт и попросили быть в аэропорту на следующий день для вылета в Москву. Такую вольность продиктовал Международный Женский день. Дело было 8 Марта, и в посольстве происходила грандиозная пьянка, парализовавшая работу даже приставленных к ней охранников. Светлана тоже получила приглашение на мероприятие, но отказалась под предлогом обеда у друга покойного Баджеша, бывшего посла в России Кауля.

Оказавшись без присмотра, Светлана решила сделать себе подарок на Восьмое марта – сложила в небольшую сумку самые необходимые вещи, рукопись книги «20 писем другу» и вызвала такси. Она вышла из посольской гостиницы, помахивая сумкой, не вызвав подозрения у портье. В такси сидели два сикха в черных чалмах. В те времена в индийском такси сидело по два человека – совершенно непонятно зачем. Светлана попросила отвезти ее в американское посольство.

Каково было изумление американского посла Честера Боульса, когда весенним вечером в день солидарности трудящихся женщин перед ним появилась дочь Сталина с просьбой о политическом убежище. Он мгновенно связался с Белым домом, получил добро и отправил Светлану с парой агентов ЦРУ в Рим. Протрезвев от обнаруженной пропажи, кегешешники связались с центром и подготовили встречающих в Риме. Агенты ЦРУ спрятали Светлану на тайном складе при аэропорте. Распространена версия, что ее практически вбросили в нью-

йоркский самолет, когда тот уже начал пробег по взлетной дорожке. Но я познакомилась с другими версиями.

Супружеская чета итальянцев Анжела и Георгио Ринальди трудились в тот момент советскими резидентами. Анжела работала под кличкой Царевна. То есть была уже третьей царевной в сюжете после Светланы Аллилуевой и Индиры Ганди. Царевна получила приказ «похитить или даже устранить предателя». Супружеская чета двинулась за Светланой в Берн, куда ее перевезли из Рима и укрыли в монастыре.

Но итальянская контрразведка уже пасла Ринальди, их арестовали в Турине и посадили на солидный срок. А пытавшегося выйти с ними на связь атташе советского посольства Юрия Павленко объявили персоной нон грата и выдворили из Италии.

Расколовшись, Царевна озвучила суть спецзадания: «похитить или даже устранить». И тут в СССР начался скандал. ГРУ, КГБ и политбюро отказались от содержания приказа. И предположили, что западные спецслужбы подсказали озвучить этот текст Царевне в обмен на уменьшение срока отсидки. Так это или нет, на свет не выплыло.

Светлана оказалась в Штатах, и другой скандал, связанный с ее именем, начался в Индии. Советское правительство обвинило индийское министерство иностранных дел в сотрудничестве с ЦРУ. Американский посол в Дели Честер Боульс взял всю вину на себя.

На заседании парламента Индии депутат доктор Лохиой обвинил правительство Индиры Ганди в трусости и неспособности приютить политическую эмигрантку. В заседании принимал участие племянник Баджеша Сингха депутат Динеш Сингх, по приглашению которого Светлана приехала. Но как его ни провоцировали, он долго отказывался участвовать в дебатах.

Дебаты парализовали работу парламента на три дня, пока заместитель Индиры Ганди не вынудил Динеша высказаться. Тот высказался более чем обтекаемо и не поддержал обвинения правительству. По одной из версий, побег был спланированным и Динеш Сингх участвовал в разработке деталей. Но вряд ли он мог спланировать, что сотрудники посольства напьются до такой степени, что Аллилуева спокойно выйдет из гостиницы и доедет до американского посольства. Все-таки в посольство не каждый день приезжала дочь Сталина.

Третий скандал произошел на заседании политбюро, и Косыгин взял на себя всю ответственность за разрешение на выезд дочери Сталина. Косыгин был соседом Светланы в доме на набережной, где она писала книгу «20 писем другу», и часто повторял фразу: «Кремль – это камень на спине».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.